

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.К. Касаткина

ГОРОДСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В ФОРМАТЕ WEB: ТЕХНИКА СБОРА ДАННЫХ, ЭТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Этнографические методы в изучении современного города стали последовательно применяться в рамках Чикагской социологической школы в 1930-е годы [Park, Burgess 1925]. В 1960–1970-е годы методы городской этнографии получили систематизацию, осмысление и развитие в многочисленных работах по качественной методологии социальных наук². Несколько позже, по мере перемещения в городское поле, к рефлексии по поводу особенностей полевой работы в городе присоединились и сами антропологи (например: [Urban Life 2010]). В МАЭ РАН о специфических трудностях, с которыми сталкивается этнограф в городском поле, недавно писала Ю.В. Иванова-Бучатская [2010].

В этой статье я хотела бы поделиться своим опытом этнографического исследования в г. Обнинске Калужской области летом 2013 г., когда я столкнулась с необходимостью модифицировать привычные полевые техники, а также решать ряд этических задач, которые ставила перспектива представления собранных данных в открытом доступе в Интернете.

¹ Исследование проводится мной в статусе приглашенного исследователя ШГИ РАНХиГС при поддержке Фонда Прохорова (Карамзинская стипендия) в рамках коллективного проекта «Оцифрованная наука: техника, методология и этика создания гуманитарными открытыми исследовательскими базами данных» (руководители: А.Л. Зорин, Г.А. Орлова).

² Вариант обобщенного описания современного междисциплинарного поля применения качественных методов: [The Sage Handbook 2005]. Примеры русскоязычных изданий по качественным методам: [Квале 2003; Ильин 2006; Ковалев, Левинсон и др. 2009].

О ПРОЕКТЕ

Весной 2013 г. мне предложили поработать³ в коллективном исследовательском проекте, посвященном формированию советской научно-технической интеллигенции как особой социальной группы, ее мировоззрению и трудовой этике на примере научного сообщества Обнинска⁴. Проект был запущен в 2011 г. на базе Центра гуманитарных исследований РАНХиГС в Москве под научным руководством профессора Оксфордского университета А.Л. Зорина⁵. Состав участников (более десяти человек) международный и междисциплинарный: антропологи, историки, психологи, филологи, философы из Англии, Германии, России. Несмотря на неизбежные сложности, связанные с различиями в подходах, исследовательских перспективах и методах работы, результатом дисциплинарного разнообразия стало не только разностороннее освещение тематики проекта, но и исключительно плодотворное научное общение.

Тема исследования сформулирована достаточно широко, чтобы совместить научные интересы большого междисциплинарного коллектива. Каждый получил возможность работать над интересующим его аспектом истории города и его научного сообщества: градостроительные концепции, роль партии, особенности организации советского атомного проекта, изобретательство, досуг и др. Я воспользовалась обнинским материалом для расширения диапазона источников своего исследования садоводческих товариществ в рамках НИР МАЭ РАН по истории повседневности. Меня интересовало, какое место занимают дачи в истории и повседневности небольшого молодого города, как представители разных профессиональных групп приобретают знания и навыки, необходимые для ухода за садом.

³ Благодарю Г.А. Орлову и А.Л. Зорина за эту возможность.

⁴ Обнинск вырос в первые послевоенные годы вокруг секретной лаборатории, где разрабатывались атомные реакторы, и получил статус города в 1956 г. Среди ведомственных городов Министерства среднего машиностроения он специализировался на использовании ядерных технологий в мирных целях. К градообразующему предприятию — Физико-энергетическому институту (ФЭИ) — быстро присоединились институты, изучающие применение радиации в создании новых материалов, влияние радиации на атмосферу и сельское хозяйство, Институт медицинской радиологии и даже филиал Института геофизики Земли АН СССР. В 1990-е годы институты пережили тяжелые времена, но продолжали работу. В 2000 г. Обнинск стал наукоградом — статус, отчасти вернувший городу привилегированное положение советского времени. Обнинск никогда не был закрытым городом в полном смысле этого слова, но чтобы получить здесь работу, надо было пройти строгие проверки. В то же время некоторые городские предприятия до сих пор сохраняют статус режимных объектов. Население города сейчас составляет около 105 тыс. человек.

⁵ Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда Михаила Прохорова, а также администраций Калужской области и города Обнинска.

Непосредственным сбором полевого материала в Обнинске занималась небольшая группа участников проекта, к которой я и присоединилась⁶. Избранный основной метод сбора данных, биографическое интервью, позволил получить информацию по максимально широкому тематическому спектру и тем самым совместить сбор материала для проекта в целом и работу над своими частными вопросами.

Собранные материалы планируется разместить в Интернете в виде открытой мультимедийной базы данных.

КАК НАЙТИ ИНФОРМАНТОВ В ГОРОДСКОМ ПОЛЕ?

Важная особенность городского поля — анонимность, режим вежливой отчужденности, облегчающий взаимодействие множества чужаков в публичном пространстве. Незнакомец на городской улице может охотно остановиться для пятиминутной анонимной беседы, чтобы тут же устремиться дальше по своим делам, навсегда забыв об этой ни к чему не обязывающей встрече. Вероятность получить согласие на глубинное биографическое интервью (часто многочасовое) в такой коммуникации довольно низка.

Если исследование сосредоточено на конкретной социальной группе горожан, сплошной поиск на улице в любом случае — чрезвычайно неэкономная стратегия. Необходимо найти точки входа в поле, которые бы не только привели исследователя к интересующим группам, но и легитимизировали его деятельность в глазах потенциальных информантов. Перед первым выходом в поле сотрудники нашего проекта обратились в основные научные и производственные организации Обнинска с просьбой предоставить списки возможных информантов с контактами.

Преимущества такого начала очевидны: полевик получает список телефонов людей, которые точно имеют отношение к интересующей его теме; ссылка на место работы — хорошее объяснение, почему исследователь обратился именно к этому человеку, и может стать аргументом в пользу согласия на интервью. Важно, что таким образом о предстоящем исследовании изначально ставились в известность организации, деятельность которых, пусть только в исторической перспективе, неизбежно попадала в сферу интересов проекта. Многие из них по-прежнему ведут засекреченные разработки и всерьез опасаются промышленного шпионажа, так что прозрачность нашей исследовательской работы приобрела особое значение.

В то же время списки — это фильтр, отражающий пожелания организаций в области самопрезентации. Туда попали люди с громкими именами, которые и без того принимают активное участие в создании местной истории:

⁶ Благодарю своих коллег по обнинскому полю Галину Орлову и Романа Хандожко за помощь и поддержку.

выступают, публикуют воспоминания. Рядовые сотрудники и носители альтернативных точек зрения, как правило, оставались за кадром. Кроме того, в сложном устроенном фокусе проекта находятся не только обнинские ученые и инженеры, но и городское сообщество в целом. Начиная работать со списком, мои коллеги так или иначе постепенно удалялись от него, задействуя метод «снежного кома»⁷.

Собираясь в обнинское поле, я знала, что списки мне не помогут, ведь там не были помечены дачники. Моими точками входа в социальные сети обнинских садоводов стали: мой петербургский информант, который стажировался в Учебном центре ВМФ в Обнинске и вывел меня на обнинских подводников, хозяйка квартиры, которую проект арендовал для полевой команды, редакция газеты «Обнинск» и Городской музей⁸. В итоге мой набор информантов существенно отличался от предложенного институтами. Я говорила с рядовыми сотрудниками лабораторий и научных отделов, техническим персоналом, инженерами, не поладившими с начальством, а также с представителями других профессий — школьными учителями, бухгалтерами⁹. Их взгляд на город и его историю имеет мало шансов попасть в официальные публикации, но очень важен для воссоздания многообразной картины городской жизни.

В городе переговоры с будущим информантом обычно приходится начинать по телефону, и в Обнинске мне часто приходилось звонить без какого-либо предупреждения. Подчас я ощущала себя «продажником» в колл-центре, с той разницей, что моей целью было убедить людей не купить мой товар, а встретиться со мной для интервью. Важно было четко объяснять свои цели, чтобы человек не только понял, что от него хотят, но и осознал, что он может это дать, и заинтересовался. Услышав, что меня интересуют дачи, люди часто думали, что я собираю информацию о достижениях обнинских агрономов, и пытались направить меня к обладателям репутации садоводов-экспертов. В то время как мне хотелось поговорить прежде всего с теми, для кого садоводство осталось в зоне любительства и хобби, а не перешло в профессиональное

⁷ Так социологи называют использование социальных сетей для поиска информантов: исследователь просит каждого нового собеседника порекомендовать ему кого-то, кто может еще что-то рассказать по его теме. В этом случае для легитимации статуса исследователя служит рекомендация знакомого, что даже лучше, чем ссылка на место работы.

⁸ Благодарю Г.П. Сосновскую, А.М. Яковлеву (газета «Обнинск») и З.В. Васильеву (Музей истории Обнинска) за помощь. Отдельно хочу поблагодарить мою коллегу по проекту Зинаиду Васильеву за эти контакты, а также за внимательное чтение этой статьи и ценные поправки и замечания.

⁹ Выражаю сердечную благодарность всем жителям Обнинска, которые поделились со мной своими воспоминаниями.

занятие. Нелегко бывало убедить человека, непривычного к вниманию к своей персоне, что его биография тоже может быть важна для научного исследования. Некоторые надеялись ограничиться телефонной беседой, близкой по степени анонимности и безответственности к случайному разговору на улице. Тогда я объясняла нюансы сбора научного материала, который требует документирования в виде записи на диктофон.

В Обнинске, как и по всей стране, садовые товарищества, оставшиеся без поддержки своих предприятий, сталкиваются с большим количеством трудностей. Чувствуя себя покинутыми на произвол судьбы, садоводы часто воспринимали меня как возможного посредника между ними и государством, который сможет озвучить их проблемы перед ответственными лицами. К сожалению, мне приходилось их разочаровывать и объяснять, что мое исследование преследует только научные цели. Я сочла необходимым с самого начала четко обозначить свои намерения и возможности, чтобы не создавать иллюзию, будто я действительно могу решить их проблемы, пусть даже иногда это влияло на их желание мне помочь.

В отличие от деревни, где все на виду, в городе исследователь незаметен, поэтому, например, ему легче отказать в интервью (см. об этом: [Иванова-Бучатская 2010: 183]). Еще до моего выхода в поле участники проекта испробовали разные способы обозначения своего присутствия в Обнинске: публикации в местных газетах, открытое мероприятие в Музее истории города — и это принесло новые полезные контакты. Но уже через несколько месяцев, когда я начала полевую работу, мои информанты успели забыть об этих событиях, так что в моей работе они почти не сыграли роли.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ С ДАЧНЫМ ФОКУСОМ

Глубинное (нарративное) биографическое интервью предполагает получение развернутых рассказов о жизни информанта при минимальном вмешательстве собирателя [Рождественская 2012: 110]. В идеальной ситуации информант сам выбирает темы, которые считает важными для изложения своей биографии, и их последовательность. И сам отбор, и умолчания, и разрывы свидетельствуют о том, как человек воспринимает самого себя и прожитую жизнь, как относится к разным событиям своей биографии [Портелли 2003: 44]. Этот метод используется, когда в центре внимания находится субъективное измерение событий большой истории, личный опыт существования в каком-либо сообществе, процессы социализации и формирования определенных типов личности¹⁰.

Мои попытки совместить биографический фокус проекта и свой дачный интерес встречали разную реакцию. Поначалу, пока я еще не очень освоилась

¹⁰ О биографическом методе в социологии см.: [Рождественская 2012].

с основной тематикой проекта, договариваясь об интервью, я сообщала, что меня интересуют обнинские дачи, и только вскользь упоминала о биографическом контексте. Люди соглашались со мной встретиться и поговорить о даче, но когда я предлагала им начать интервью с рассказа о своей жизни, они смущались и говорили кратко и схематично, стремясь поскорее перейти к дачной теме. Вероятно, это связано с тем, что в мои «дачные сети» попадали в основном рядовые инженеры и технические сотрудники. Непривычные к публичному вниманию, они не считали, что их биография представляет особый интерес. Один мой информант, бывший заведующий лабораторией в градообразующем институте и активный садовод, сперва ступешался, особенно при виде диктофона, но потом разговорился и оказался настоящим кладом историй, прекрасно иллюстрирующих будни атомной станции, лаборатории и многочисленных командировок инженера-наставника по использованию атомных реакторов на флоте. Потом он признался, что давно хотел записать и где-то опубликовать эти рассказы.

Был, правда, и противоположный случай: зная о моем дачном интересе, мне дали контакт человека, который много лет работал над секретным проектом и до сих пор, даже будучи на пенсии, не имеет права выезжать за границу. Дача кажется совершенно безобидной темой, не затрагивающей государственных тайн, так что в телефонном разговоре он охотно делился со мной своими мыслями по поводу обнинских садоводств. Но когда при встрече я показала ему документы проекта и попросила рассказать о своей жизни, он преисполнился подозрений. Не менее получаса он потратил на выяснение моих предполагаемых скрытых намерений, и когда он, наконец, согласился включить диктофон, то неожиданно начал говорить вовсе не о своей биографии, а о достоинствах обнинской атомной электростанции.

Дело в том, что Обнинск получил если не мировую, то всесоюзную славу после того, как в 1954 г. здесь была запущена первая в мире АЭС, способная вырабатывать энергию для гражданских целей. После официального объявления об этом на Конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве в 1955 г. поселок вокруг режимного объекта (с 1956 г. — город Обнинск) открылся для иностранных делегаций. Первая в мире АЭС стала выполнять функцию витрины советской атомной науки и политики, транслируя сообщение одновременно о достижениях советских ученых в области атомной энергетики и мирных намерениях страны¹¹. Неудивительно, что, оказавшись перед необходимостью говорить под запись о своей научной биографии, бывший сотрудник режимного института начал именно с той темы, которая привычно зарезервирована здесь для официальных контактов с внешним миром.

¹¹ См. об этом в: [Орлова 2014].

Думаю, если бы я не начала разговор с дач, мне бы никогда не удалось получить согласие этого человека на интервью. И его решение начать с панегирика первой в мире АЭС оказалось очень информативным. И все же, чтобы избежать риска ввести людей в заблуждение, я изменила тактику переговоров об интервью. Теперь я начинала с подробного объяснения целей проекта и просьбы о биографическом интервью и только потом добавляла, что я лично хотела бы услышать еще и о дачном опыте информанта. Иногда это затрудняло получение согласия, но зато я была уверена, что человек понимает, на что именно он соглашается.

Часто я не успевала задать вопросы из биографического и дачного блоков в рамках одной беседы, и приходилось просить о второй сессии интервью. У такого сценария оказалось много преимуществ. К следующей встрече информант успевал вспомнить и добавить что-то к уже рассказанному, найти документы или фотографии, обдумать информацию о нашем проекте и возможных формах своего участия в нем. С каждой новой встречей росло доверие, человек убеждался в серьезности моего интереса к нему. Некоторые истории могли пересказываться снова, но в другом виде, без парадной полировки. Интервью под запись перемежались спонтанными беседами при выключенном диктофоне, в которых проговоренные ранее под запись темы могли преломляться под совершенно другим углом.

ОБНИНСКАЯ ДАЧА КАК ОТСУТСТВУЮЩИЙ СЮЖЕТ

Метод биографического интервью хорошо подходил для проекта с фокусом на человеческом измерении советского научного прорыва и формировании этоса советской технической интеллигенции. Однако сама формулировка цели проекта задавала лейтмотив интервью — трудовая или научная биография, и для получения нужной мне информации эта рамка оказалась нерабочей: несмотря на то что многие обнинцы — активные дачники, опыт моих коллег говорил о том, что сама по себе эта тема возникала в интервью исключительно редко. Но дело не только в лейтмотиве. Обнинская дача оказалась сферой повседневности, которая трудно поддается проговариванию в интервью и буквально ускользает от исследовательского внимания.

Почти у всех моих петербургских информантов был припасен хорошо обкатанный в разных кругах нарратив о подвигах первых лет освоения садового участка. В Обнинске же спонтанные рассказы о дачах возникали редко, были короткими и чаще сводились к перечислению растений, которые информант сажает на участке. Чтобы узнать что-то еще, приходилось активно задавать вопросы. Иногда было видно, что человек честно пытается рассказывать мне о своей даче, но на самом деле эта тема не кажется ему стоящей, и он все время сбивается на воспоминания о своем институте или городе. Ведь именно на эти темы принято расспрашивать городских старожилов в современном Обнинске, поглощенном созданием своей истории.

Возможно, дело в самой ситуации интервью, которая, как бы я ни старалась придать ей непринужденность, сохраняет искусственность, в то время как дачная тема прочно зарезервирована за повседневным общением. Когда во время интервью к моим информантам заходили знакомые, вопросы, которые только что не вызывали никакого энтузиазма, вдруг возникали сами собой и разворачивались в формате дружеской беседы.

ЗАМЕНИТ ЛИ МЕМУАРЫ БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ?

Как уже упоминалось, сейчас в Обнинске активно создается городской исторический нарратив. В эту работу вовлечены сотрудники Музея истории города и ведущих городских институтов, энтузиасты краеведческого общества «Репинка», отдельные историки-любители. Мне и моим коллегам иногда отказывали в интервью, ссылаясь на свои уже опубликованные воспоминания.

Локальные активисты памяти оказались и среди моих информантов: В.С. Дмитриева постоянно публикует свои заметки о раннем Обнинске в местных газетах (например: [Дмитриева 2013]), Л.И. Игнатова подготовила книгу документов и воспоминаний о своем начальнике, легендарном создателе твэлов (твэл — «тепловыделяющий элемент», элемент ядерного реактора, где содержится топливо. — А.К.) В.А. Малых [Прометеевский... 2013], поэтесса Н.М. Эпатова — автор многих книг воспоминаний о городской жизни (например: [Эпатова 2001]).

Однажды моя информантка принесла газетную заметку о себе прямо на интервью и предложила заменить наш разговор о ее биографии чтением. Подобные жесты свидетельствуют, что люди воспринимают себя прежде всего как носителей объективного знания о фактах. Между тем устные источники дают информацию другого рода: субъективные оценки и смыслы событий, личный опыт, способы вспоминать и рассказывать [Портелли 2003]. Знакомство с публикациями информанта крайне важно для подготовки к интервью, но письменные тексты не могут заменить устные. Эти виды источников создаются по разным канонам, с ориентацией на разные аудитории. В личной беседе человек может пояснить или опровергнуть опубликованные сведения. Только в ситуации личного общения есть шанс услышать разные версии одной и той же истории, которые могут быть припасены у информанта для разных случаев, особенно когда дело касается неоднозначных, щекотливых тем.

Вместе с тем, работая в Обнинске, я еще раз убедилась, что устные рассказы о прошлом говорят в первую очередь о современном восприятии событий, уже прошедшем через сложные отсеивающие механизмы памяти. Услышать подлинные голоса прежних эпох позволяют только источники, дошедшие непосредственно оттуда благодаря техническим средствам фиксации. Далеко не все темы, когда-то важные для городского сообщества, всплывут в интер-

вью. Например, участие в городском благоустройстве, судя по обилию писем в городской газете «Вперед!» в 1960-е годы, было очень актуально для обнинцев в тот период, а теперь о нем подчас едва вспоминают даже в ответ на прямой вопрос собирателя.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В ГОРОДЕ

И все-таки основной метод этнографии — не интервью, а наблюдение. Для моих целей было важно понаблюдать за людьми на их садовых участках: как устроен их дачный день? Как они организуют свою работу? Как выглядит их взаимодействие с природными или рукотворными объектами? Идеально было бы поступить в обучение к кому-нибудь из садоводов-любителей, чтобы узнать, как проговариваются (или, напротив, только демонстрируются) технологии дачного труда. Это не представляло бы большой сложности в сельском поле, где исследователь обычно живет в семье у кого-нибудь из местных жителей и может участвовать в ее занятиях. Но в городе такая высокая степень допуска в приватную сферу требует особенно близких отношений. Только В.С. Дмитриева, после того как мы много часов провели у нее на участке и дома за интервью и разговорами, стала иногда разрешать мне помогать в своем дачном хозяйстве. Большинство моих информантов стеснялись своих участков, которые казались им слишком непрофессиональными, и не приглашали меня туда.

Своеобразный вид включенного (и даже участвующего) наблюдения в городском поле — это опыт жизни исследователя в изучаемом городе. Летом 2013 г. полевая команда проекта жила в квартире в «старом городе» — район застройки 1940–1950-х годов, который начинается непосредственно от проходной главного здания ФЭИ. Почти роскошные дома архитектуры сталинской классики вдоль главной улицы Ленина здесь быстро сменяются типовыми четырехэтажками попроще; за ними прячутся частные «финские домики» с огородами и двухэтажные «брусчатые дома» — временные жилища первых лет города, давно превратившиеся в постоянные. В этом районе живут многие мои информанты — сотрудники ФЭИ на пенсии и владельцы участков в «Мирном», первом садовом обществе города, которое расположилось совсем рядом, по ту сторону оврага. Каждый день, проходя одним и тем же маршрутом на интервью, в библиотеку или магазин, встречая знакомые лица, я ощущала, как-им маленьким и тесным было пространство поселка вокруг режимной лаборатории, положившей начало Обнинску, в ту, еще догородскую, эпоху, которую теперь старожилы вспоминают как «золотой век».

«ИНФОРМИРОВАННЫЕ СОГЛАСИЯ»

В современном городском поле антрополог встречается информантов, которые не менее образованны и приобщены к миру современных медиа, чем

он сам¹². Моими собеседниками в Обнинске становились профессионалы высокого уровня в разных областях науки и техники. Большинство всю жизнь работали на режимных предприятиях, и самооценка, тщательное отслеживание своих слов, стала их второй натурой. Они прекрасно понимали, что означает запись на диктофон, и проявляли заинтересованность и в судьбе своих интервью, и в результатах проекта в целом. Работа в такой среде вынуждает исследователя острее ощущать ответственность за свои действия.

Перспектива размещения интервью в Интернете означала, что, в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 г., нам были необходимы письменные согласия информантов на обработку и публикацию транскриптов.

Оформление письменных «информированных согласий» (*informed consent*) — обычная практика для западных исследователей, работающих с людьми. Разработкой возможных форм согласий занимаются профессиональные ассоциации и комиссии при исследовательских организациях, они же контролируют соблюдение этики в поле. В России решение этических вопросов пока в значительной степени остается на совести каждого исследователя¹³.

Для сбора интервью в рамках проекта была составлена форма, которая содержит информацию о тематике и целях исследования и предлагает информанту сделать выбор по трем позициям:

— Хочет ли он сохранить анонимность или разрешает упоминать свое имя при использовании материалов интервью?

— Хочет ли он ознакомиться с расшифровкой аудиозаписи интервью?

— Хочет ли он сохранить право на проверку точности данных и изъятие фрагментов интервью, прежде чем оно будет размещено в открытой базе данных в Интернете?

Из 26 информантов, которых я просила подписать эту форму, большинство (к моему удивлению) разрешили использовать свое имя, только четверо предпочли анонимность, еще двое отложили свое решение до знакомства с текстом интервью. Заполняя этот пункт, многие говорили: «Мне скрывать нечего!» или «Ни о чем секретном я не говорил(а), так что...» Один человек, который в свое время имел непосредственное отношение к засекреченным разработкам, долго колебался, но в итоге все же отказался от анонимности. «Ну это как-то неприлично...» — смущенно сказал он.

¹² Впрочем, с распространением доступа к Интернету отличие городов от сельской глубинки постепенно стирается и в этой области.

¹³ Размышления об исследовательской этике в российских социальных науках см.: [Форум 2005].

Внутри узких кругов бывших и нынешних коллег и соседей анонимность сохранить невозможно: все равно вычислят, а подобную попытку могут истолковать как желание скрыть нечистые намерения¹⁴. Так что за разрешением информанта использовать свое имя может стоять необходимость демонстрировать солидарность со своим сообществом.

РАСШИФРОВКА ИНТЕРВЬЮ

Дискуссия о транскрибировании полевых аудиозаписей ведется в литературе по меньшей мере с 1979 г. [Davidson 2009]. Все сходится на том, что текст транскрипта не может считаться полным аналогом аудиозаписи, потому что транскрибирование как процесс перевода звука в письменный вид неизбежно подразумевает отбор и интерпретацию. Нужно ли фиксировать все невербальные элементы и паузы, интонации, индивидуальные или диалектные особенности произношения? Как отличить многозначительное покашливание от приступа кашля? Как описывать изменения интонации — техническими терминами или опираясь на свои интуитивные предположения по поводу их смысла? В статье М. Хаммерсли подробно перечислены такие вопросы, которые приходится решать при транскрибировании [Hammersly 2010: 556–557]. Принципы отбора и способы графической передачи необходимо продумывать и четко фиксировать заранее, особенно если массив транскриптов будет храниться в публичном архиве и использоваться другими исследователями.

В обнинском проекте было принято решение фиксировать наиболее важные особенности устной речи (но не произношения) информанта и включать в расшифровку хезитации, наложения реплик, выборочно — паралингвистические (невербальные элементы речи: мимика, смех, вздохи) и экстралингвистические (внешние события) факторы и реплики активного слушания собирателя («угу»). Может показаться, что эти детали нужны разве что лингвистам (или микросоциологам, которых интересуют мельчайшие нюансы повседневных коммуникативных взаимодействий). Однако мой опыт работы с интервью убедил меня, что они полезны любому, кто берется интерпретировать устные тексты. Они несут информацию о том, как человек строит свою речь, как реагирует на внешние вторжения в свой рассказ, как относится к той или иной теме, и тем самым помогают интерпретировать индивидуальное повествование, разглядеть тонкие оттенки смыслов и эмоций, а также увидеть общие дискурсивные стратегии — одинаковые для группы способы говорить на определенных темы.

¹⁴ Интересно, нет ли здесь связи со специфическим отношением к праву на приватность в российской культуре? Яркий пример — ненависть и подозрительность, которую вызывают глухие заборы, появляющиеся в последнее время в дачных поселках.

Особенно важно отслеживать эти особенности в интервью с людьми, которые, подобно нашим информантам, настолько привыкли к постоянной самоцензуре, что могут сами ее не замечать. Бывает, что только при помощи таких, на первый взгляд незначительных, деталей можно разглядеть умолчания и искусное лавирование между дозволенным и запрещенным. Важно подчеркнуть: это не означает, что исследователи хотят «подловить» информантов и подспудно выведать засекреченное знание. Меня в интервью интересовали не столько сами технические подробности, сколько то, как инженер, физик или техник рассказывает о механизмах и своем взаимодействии с ними. Уметь распознавать фигуры умолчания в речи информанта важно для интерпретации его рассказа в целом. Отследить характерные области умолчаний, сомнений, эмоционального напряжения необходимо для понимания того самого субъективного, человеческого измерения советской большой науки, к которому стремится проект.

АВТОРИЗАЦИЯ ТРАНСКРИПТОВ

Прочсть расшифровку аудиозаписи своих интервью, то есть авторизовать транскрибированные тексты, захотели 16 моих информантов. Авторизация стала, пожалуй, наиболее сложным и болезненным этапом работы для всей полевой команды проекта, прежде всего из-за избранной стратегии расшифровки интервью.

Мои обнинские собеседники, сами исследователи и авторы многочисленных научных текстов, соглашались, что текст интервью как научный источник должен как можно точнее передавать реальность. Однако на поверку они оказались совершенно не готовы к тому, как выглядит их устная речь в подробной расшифровке.

Один наш обнинский информант сравнил свои чувства от столкновения со своей устной речью при знакомстве с транскриптом с публичным обнажением: он будто оказался «голым в своем языке». Лингвистам давно известно, что устная речь функционирует по другим законам, чем письменная. Но всех нас со школьной скамьи учат облачать свою речь в нормативные одежды канона письменного литературного текста, и его власть над нашим восприятием по силе оказывается схожа с властью одежды над нашим восприятием тела. Так что неудивительно, что изобилие задумчивых «мм...», нерешительных «ээ...», дискурсивных слов типа «вот» и «нелитературность» формулировок в транскриптах интервью приводили моих собеседников в уныние и фрустрацию, заставляли усомниться в своих языковых компетенциях. К сожалению, мои объяснения и попытки разделить с ними свое профессиональное удовольствие от чтения детальной записи естественной устной речи редко имели успех. В результате процесс авторизации был полон неловкости, ведь постоянно приходилось расстраивать людей, с которыми у меня успели сложиться достаточ-

но теплые отношения и которые явно ожидали увидеть совсем другие результаты своих многочасовых интервью.

Разные традиции работы с устными текстами по-разному относятся к позднейшим изменениям однажды записанного текста [Лоскутова 2003: 11]. Внутри нашего проекта было принято решение, что возможности информанта в работе с транскриптом следует ограничить исправлением фактических ошибок и изъятием или добавлением цельных кусков, исключив литературную правку. Но как запретить человеку править его собственный текст? Я исходила из того, что информант — полноправный хозяин своего текста, и предоставляла полную свободу действий, стараясь при этом как можно убедительнее объяснить достоинства живого устного текста и уговорить как можно меньше внимания обращать на форму и сосредоточиться на вкрапившихся фактических ошибках и неточностях.

Я успела провести авторизацию с четырьмя информантами, и все они продемонстрировали разные способы работы со своими текстами. Все сетовали на «корявый язык», но, видимо, мне все же удалось уговорить их смириться с требованиями проекта к точности передачи устной речи, так что редактирование формы было минимальным. Один человек отдал мне авторизованный (то есть имеющий его подпись о согласовании) текст, почти не читая. Судя по его комментариям, он считал себя недостаточно компетентным для обработки текста для наших целей и решил довериться нашему профессионализму (что означает увеличение груза моей ответственности). Другие внимательно читали свои тексты, кое-что добавляли, стараясь внести как можно большую ясность, что-то убрали.

Интересно было посмотреть, какие темы люди предпочитают вычеркнуть из соображений режимности. На режимном предприятии решение о том, какая информация является секретной, а какую уже можно открыть, принимают специальные органы. Они могут объявить не подлежащими разглашению и на первый взгляд совершенно безобидные данные, которые, скажем, по их мнению, содержат намек на ведущиеся секретные разработки. Поэтому рядовые сотрудники далеко не всегда уверены, могут ли они рассказывать даже о делах давно минувших дней, когда атомная промышленность только создавалась.

В итоге я наблюдала две противоположные стратегии обращения с такими рассказами, ориентированные, соответственно, на прошлое и настоящее. Выбор зависел от степени информированности человека. Одна очень осторожная женщина убрала замечания о некоторых секретных проектах времен своей молодости, мотивируя это тем, что тогда эта информация была закрытой и она не могла об этом знать, так что незачем искажать историческую действительность, воссоздаваемую ее рассказом. Другая, напротив, при авторизации раскрыла секретный код, который по привычке употребила в интервью, когда рассказывала о начале своей карьеры в институте. Она хорошо знала позицию

своего института по секретности разработок этого периода, потому что только что участвовала в издании книги по его истории и много консультировалась по этим вопросам.

По режимным соображениям оказались удалены и воспоминания, затрагивающие радиационную безопасность и здоровье, — темы, давно уже открытые для публичного обсуждения, но по-прежнему тяжелые и болезненные для многих сотрудников атомной отрасли.

Мои информанты вычеркивали и сказанные в сердцах резкие слова о коллегам и соседям, даже о тех, кого уже давно нет в живых. Им оказалось важно не только сохранить собственный положительный образ в глазах своего сообщества, но и поддержать определенный образ города и института в глазах внешнего зрителя. У меня сложилось впечатление, что чем раньше человек приехал сюда и чем теснее его жизнь связана с городом и ФЭИ, тем большую ответственность за создание локальной истории он чувствует. Старожилам дорог образ раннего Обнинска как тесного сообщества, где царили дружба и взаимовыручка.

В целом же авторизация оказалась полезной процедурой, которая давала возможность информанту исправить ошибки, пояснить неясности, внести добавления и, что важно, привносила в нашу работу с людьми дополнительные моменты сотрудничества. Часто авторизация перерастала в полноценную сессию интервью.

Иногда я замечала, что мои информанты, пожилые люди, забывали вычеркнуть из транскрипта фрагменты, которые, скорее всего, не хотели бы оставлять. В таких случаях я оказывалась перед выбором: интересы информантов или интересы исследования? Я выбирала первое и связывалась с человеком для уточнения, и в итоге один раз оказалось, что сомнительный фрагмент был действительно пропущен случайно.

Этнографическая работа у самой границы зоны интересов государственной безопасности требует чрезвычайной осторожности и обостренного внимания к вопросам профессиональной этики, которые здесь в любой момент могут перейти из абстракций в реальные отношения с людьми, из области этики — в область права и даже стать решающими для дальнейшего пребывания в поле. Никогда не знаешь, какой следующий шаг может оказаться нарушением границы. Главный принцип остается все тем же — не навредить.

ТАК РЕДАКТИРОВАТЬ ИЛИ НЕ РЕДАКТИРОВАТЬ?

Выкладывание текста биографического интервью в открытом доступе связано со многими сложностями, не только этическими, но и юридическими. Лучший способ их предупредить — готовить каждый текст к публикации в плотном сотрудничестве с информантом, чтобы он тоже был заинтересован в конечном результате и принимал на себя ответственность за него. Пример такой работы — проекты по истории науки и искусства фонда «Устная исто-

рия» Научной библиотеки МГУ. Там тоже было принято решение максимально сохранять особенности устной речи при расшифровке, но текст все-таки редактировался «для удобства чтения и восприятия» при публикации [Как мы работаем...]. С информантами согласовывался текст, более или менее приведенный в соответствие с литературной нормой. Думаю, они относятся к своим интервью, выложенным в Интернете, совсем иначе, чем мои информанты, которые, как мне показалось, давали согласие на публикацию нехотя и втайне надеясь, что мы все же отредактируем тексты.

Создание двух вариантов каждого интервью: детальная расшифровка, по сути техническая, для закрытого архива, доступного узкому кругу исследователей, и отредактированный текст для открытого размещения — облегчило бы нам и процедуру авторизации, и сотрудничество с информантами. Но дело даже не в том, что редактирование потребовало бы больших временных затрат. Любая литературная правка — это интерпретация, подчас весьма существенное вторжение в текст. Например, неоднозначность или сомнение в устном тексте часто вводятся невербальными средствами. Их передача в письменном тексте требует недюжинного литературного мастерства и чувства речи информанта. Точная транскрипция интервью — тоже интерпретация, но более бережная. Публикация детальных расшифровок устных текстов передает больше оригинальной информации в менее искаженном виде и в конечном счете может расцениваться как более честная по отношению и к читателю, и к информанту.

ПЕРСПЕКТИВЫ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ИНТЕРНЕТЕ

Последние достижения технологий хранения и передачи данных предлагают гуманитарным наукам новые способы работы с научным знанием и дают возможность продолжить начатое в эпоху «кризиса репрезентаций» в антропологии середины 1980-х экспериментирование в области представления результатов исследования [The Sage Handbook 2005: 18]. Традиционный формат печатной статьи, как бы автор ни старался предоставить голос своим информантам и разными способами передать свои ощущения от поля, все равно представляет прежде всего его интерпретации. Формат открытой мультимедийной базы данных (в идеальной ситуации) позволяет выставить на всеобщее обозрение все то огромное разнообразие материалов, которое антрополог обычно привозит из поля. Любой читатель/пользователь получает возможность не только увидеть основания для исследовательской аналитики, но и провести свое собственное исследование прямо за домашним компьютером.

Для больших проектов, подобных нашему, возможность представить материалы в открытом доступе обретает дополнительную актуальность: в течение двух полевых сезонов 2012 и 2013 гг. всего было собрано более 150 интервью с жителями Обнинска, а также домашние архивы, мемуары, архив городской

газеты. Потенциал столь огромного массива информации не в состоянии исчерпать даже большой коллектив исследователей. Множество важных тем неизбежно останется за рамками докладов, статей и коллективной монографии. Выложенные в виде открытого архива, эти материалы станут ресурсом для дальнейших исследований в области истории советской науки и повседневности.

В работе с образованными информантами особенно ощущается современное размывание монополии социального исследователя на производство знания об обществе. Рассуждения наших собеседников подчас достойны самостоятельной публикации, без посредничества исследовательских комментариев, и сетевая база интервью позволяет это сделать.

Важно, что доступ к базе получают не только коллеги — историки, антропологи и прочие, но и сами обвинцы — и наши информанты, и те, с кем мы не разговаривали. Так решается старая проблема возвращения знания изучаемому сообществу. Интернет-технологии эпохи веб 2.0 с их широкими возможностями интерактивного участия в работе сетевых проектов позволяют пользователям комментировать, критиковать, дополнять выложенную информацию, отчасти реализуя мечту приверженцев антропологии сотрудничества¹⁵.

Достижению идеала полноты представления полевого архива в Сети препятствуют прежде всего этические соображения: материалы личного происхождения можно выложить в открытом доступе только с разрешения их автора и в согласованном с ним виде. Не попадут в сетевую архив и полевые дневники с пересказами разговоров при выключенном диктофоне, наблюдениями и размышлениями исследователей. Даже при этих ограничениях создателям базы придется решать, как совместить конкурирующие проекты памяти и истории, которые существуют в городе и попали в наши материалы, чтобы свести к минимуму риск задеть чьи-то чувства или спровоцировать конфликты в городском сообществе. Неизбежно возникнут другие сложности, которые невозможно предвидеть, приступая к работе, зато в перспективе — демонстрация нового уровня возможностей социальных наук.

ЛИРИЧЕСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ

Встречаются утверждения, будто в городском поле невозможны столь же теплые отношения между исследователем и информантами, как в сельском [Urban Life 2010: 16]. Мой опыт в Обнинске это полностью опровергает. За пару месяцев полевой работы я успела привязаться к этому маленькому городу с большой судьбой и подружиться с его жителями. Некоторым из них я обязательно буду звонить не только по рабочим вопросам проекта, но и просто по

¹⁵ Антропология или этнография сотрудничества (collaborative anthropology) предполагает равноправное сотрудничество между исследователем и информантом на всех этапах исследования: от полевой работы до подготовки публикаций.

говорить. Если же задуманная база данных действительно будет постоянно пополняться новыми материалами и дискуссиями, то для участников проекта Обнинск может оказаться «полем, которое всегда с тобой».

Библиография

- Дмитриева В.* Дом моей юности // Час Пик Регион. 2013. 28 июня. С. 6.
- Иванова-Бучатская Ю.В.* Исследование земледельцев города Бамберг (2009 г.) (К методике полевой работы в городе и вопросу о новых аспектах изучения) // Материалы полевых исследований МАЭ. СПб., 2010. Вып. 10. С. 177–192.
- Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.
- Как мы работаем с текстом // Общедоступный сетевой архив фонда «Устная история». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oralhistory.ru/news/rabota_s_tekstom
- Квале С.* Исследовательское интервью. М., 2003
- Ковалев Е., Левинсон А., Штейнберг И., Шанин Т.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009.
- Лоскутова М.В.* Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 5–31.
- Орлова Г.А.* Контакты третьей степени: заметки о витринной науке // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5264>.
- Портелли А.* Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 32–51.
- Прометеевский человек. К 90-летию со дня рождения В.В. Малых (1923–1973) / Сост. и ред. Л.И. Игнатова, Ю.В. Фролов. Обнинск, 2013.
- Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М., 2012.
- Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Правовая база «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149747/ (дата обращения: 24.04.2014).
- Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.
- Эпатова Н.М.* Рассветные зори Обнинска. Обнинск, 2001.
- Davidson Ch.* Transcription: Imperatives for Qualitative Research // International Journal of Qualitative Methods. 2009. 8 (2). P. 36–52.
- Hammersley M.* Reproducing or Constructing? Some questions about transcription in social research // Qualitative Research. 2010. 10 (5). P. 553–569.
- Park R.E., Burgess E.* The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago, 1925.
- The Sage Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Sage, 2005.
- Urban Life. Readings in the Anthropology of the City / Ed. by G. Gmelch, R.V. Kemper, W.P. Zenner. Long Grove, Illinois, 2010 [1988].